

*Адольф
Арцишевский*

ПОНЯТЬ БЫ ЧУДО БЫТИЯ...

* * *

Я до последней запятой
И до пробелов между строчек
Служил поэзии святой
Без оговорок и отсрочек.

И застило порою свет
Ещё не найденное слово,
Когда смотрел я слову вслед,
Загадкой слова околдован.

Но то, что было под рукой
И сгоряча мне подвернулось,
В мои стихи вросло строкой
Дыханьем площадей и улиц.

* * *

Понять бы чудо бытия,
Понять бы тайну жизни этой,
Загадку ночи, утра, дня,
Зимы, весны и лета,

И сокрушительную грусть
Струящегося листопада,
И ежевики пыльной горсть,
И винограда кисть в награду...

Молчат усталые уста,
И даже сердце приумолкло, –
Наверно, в жизни час настал
Между собакою и волком.

Не возражая, не греша,
Я все с готовностью приемлю,
Куда бы ни влекла душа
Мою загадочную Землю.

ОСЕННЕЕ

Пришла осенняя пора,
А у меня на грядках пусто,
Как будто их травили дустом...
И не пошла в кочан капуста –
Одной картошки полведра.

Смотрю на паутины нить,
Что отлетает с бабьим летом
Последним солнечным приветом,
Хотя зима по всем приметам
Готова и повременить.

Долги пора бы отдавать,
А у меня в карманах пусто:
Не слышно денежного хруста,
И даже мелочи не густо,
Так – что-то звякает едва.

Стою, на заступ опершись,
Свои усилия итожа:
И огородник я негожий,
И у судьбы не вышел рожей
(Что, в сущности, одно и то же),
И счет мой, видно, заморожен
На всю оставшуюся жизнь.

Но утешенье мне дано:
 Полет тончайшей паутины,
 Седых небес простор былинный
 И запах осени полынный
 Да это терпкое вино.

СТАНСЫ

В своей основе мир альтернативен,
 Но многовариантность бытия
 Диктует всякий раз императивы,
 Которым должен следовать и я.

И если в звонком хрустале бокала
 Мне подано искристое вино,
 Я, как оно всегда и подобало,
 Галантен буду, словно Сирано
 де Бержерак. Свой пыл, свою отвагу –
 К её ногам. На полчаса, на час
 Я усмирю язвительную шпагу,
 И от стола фуршетного – ни шагу,
 Пока на нём вино и ананас.

Глоток вина – и я в плену стихии:
 На смертоносном острие – маслин,
 Стихи, лимона ломтик.

Вновь стихи. И –
 Ещё фужер. Тут неуместен сплин,
 Протиснуться бы только между спин.

Нас разделяет хрупкий звон бокалов,
 Но и сближает легкое вино.
 И кажется, что целой жизни мало
 На это вот прикосновенье. Но...

Когда стакан – любой! –
 вне поля зренья,
 А на закуску – скромный натюрморт,
 Бутылка водки – словно откровенье,
 И рядом с нею – лица вместо морд,

Осмысленные, мудрые, простые,
 Отягощённые работою ума...
 По кругу мы сосуд хмельной пустили,
 По два, по три глотка отпили,
 Нежнейшей килькой закусили
 И с вечностью затеяли роман.

И бог ты мой, в каких высотах
 Мы побывали в этот раз!
 Какие мы вскрывали соты,
 Сокрытые от праздных глаз!

В какой компании мы были!
 Гомер, Конфуций, Моцарт и Дали...
 Мы Троию заново открыли,
 С Нероном вместе Рим сожгли.

Сам Александр Македонский
 Пил из горла на брудершафт.
 И простодушный щавель конский
 Внимал речам, едва дыша.

Но всю полифонию мира
 От Гималаев и до Анд,
 От Гильгамеша до Шекспира
 Держал он, словно бы Атлант.

* * *

А может, правда, – врут календари:
 Опять засентябрило в марте.
 Ругать природу иль благодарить
 За эти несуразные помарки.

Я заблудился в круговерти дней,
 Все спуталось – весна и осень.
 Люблю тебя ещё сильнее,
 Хоть на душе и в сердце проседь.

Я понимаю: я случайный гость –
 Октябрь, заблудившийся в апреле.
 Душа моя – заброшенный погост,
 Где спят мои надежды и потери.

Но сердце, позабывшее себя,
 Живущее отдельно, где-то рядом,
 Цветёт, безумное, в морозы декабря,
 Когда с тобой соприкасаюсь взглядом.

* * *

Душа достигла той поры,
 Когда взамен былой отваги
 Остался чистый лист бумаги,
 Коварной памяти овраги
 И в них – данайские дары.

А совесть – пристальной и строже:
 Всё ближе та последняя черта,
 Что жизнь перечеркнёт и подытожит
 Беспмятством могильного креста.

И всё, чем я живу как прежде, –
 Незримый миру долгострой.
 Меня разбитые надежды
 Ночами гонят через строй.

Душа от суеты устала –
 От всепрощения и лжи...
 В душе остались стойкость тала
 И несгибаемость лозы.

* * *

Горячий ветер пламенной пустыни –
 Что жар моих желаний и страстей.
 Я думал, сердце с возрастом остынет
 От риска, сумасбродства, скоростей.

Но нет, не все получены ответы
 На вечные вопросы бытия,
 Хотя давно бессонные рассветы
 Открыли мне моё второе «я»,

Хотя пришла пугающая трезвость,
 Которая забыться не даёт, –
 Она мгновенно бритвою отрежет
 Любое заблуждение моё...

Но отчего же ты ещё моложе,
 И, всем законам вопреки,
 В глаза твои, знакомые до дрожи,
 Смотрю, как в глубь незнаемой реки?..

* * *

Словесный блуд одолевая,
 На говорящих не ропщу.
 Там, где отметка нулевая,
 Закономерности ищу.

Из мимолётных впечатлений
 Пытаюсь истину извлечь,
 И для меня как преступленье
 Звучащая впустую речь.

Живу на острие исканий,
 И подсознание мое,
 Как высокочастотный сканер,
 Всё распознает и поймёт.

Но есть неуловимость тайны,
 Что в детском лепете живёт,
 В словах, услышанных случайно,
 В поступках женщины нечаянных,
 Где всё порой наоборот...

И я смотрю, благоговая,
 Как надвигается гроза:
 В зарницах тучи багровеют
 И рифма трепетная зреет –
 Бесхитростная, как слеза.

СОН

Мне снился лев угрюмый. Львица
 На кромке горного ручья,
 Заигрывая с ним, резвилась,
 Кусаясь нежно и рыча.

В ручье воды студёной голос
 Пел о прохладе ледников,
 А львы играючи боролись
 Поверх барьеров и оков.

Вода, подвластная закону
 Паденья тела с высоты,
 Текла, поверхностно знакомясь
 С пейзажем дивной красоты.

Ах, обжигающая свежесть
 Воды чистойшей, как слеза!
 И необузданная нежность,
 Рокочущая, как гроза.

И в каждой капле – небо, солнце,
 Безудержное торжество.
 И лев теснее к львице клонится,
 И длится жизни волшебство...

И вдруг – каньон. Туда, где бездна,
 Где шум, и ярость, и беда,

Где безрассудство неуместно,
Львы молча ринулись туда.

О, ледящий миг паденья,
О, этот гибельный полёт,
Когда лишь смерть, как наважденье,
Тебя в конце полёта ждёт.

Они мелькнули рыжей тенью
Над чёрным пламенем беды...
И вот уже с привычной ленью
На отмель вышли из воды.

СОЛОВЕЙ

1

Творя в стране деревьев праздник, –
Чем ночь темнее, тем верней, –
Дарует всей округе радость
Разбойник серый – соловей.

Где он зимует, я не знаю,
Но не могу представить я,
Что в снежной дымке замерзает
И хрипнет горло соловья.

И не могу себе представить:
Покинули сады свои –
Сбиваясь в стаи, улетают
В осеннем небе соловьи.

Загадка бытия таится
В цветущем сумраке ветвей,
Где царствует над нами птица –
Невзрачный, серый соловей.

Подобно божеству Эллады,
Весной спустился он с небес,
Пропел на все лады рулады
И, словно юный бог, исчез...

2

Двадцать четыре колена
Дарованы соловью –
Двадцать четыре колена
И в каждом своё «I love you».

Двадцать четыре карата –
Чистейшей воды алмаз!
Маршал в мундире солдата,
Что нас красотой спас.

Двадцать четыре пассажира...
И мнится, что Ференц Лист
Любовью к роюлю посажен,
И «Грёзы любви» пролились.

Двадцать четыре этюда...
Меланхоличный Шопен,
Являя негромкое чуда,
Берёт в ненавязчивый плен.

И сам Паганини, быть может,
Повёл в нетерпенье смычком,
Чтоб не испугнуть, не встревожить,
Слушает тихо, молчком

Концерт соловья для Вселенной,
Для хора полночных светил –
Он самое сокровенное
Песней своей освятил,

Что в звездную высь улетает,
К луне безнаказанно льнёт
И удержу просто не знает –
Звучит день и ночь напролёт.

НОЧЬЮ

Ветер качает качели
И со звездой говорит,
И, как Сандро Боттичелли,
Женщину боготворит.

Трепетно, словно Вивальди,
Едва усмиривший смычки,
Он замирает на альте,
Пространство держа у щеки.

И облака в полудрёме
Досматривают полусны.
Как многолик и огромен
Божьего мира посыл!..

Ночью понятней и ближе
 Единой души кровотоков:
 Рядом – Кизи и Куинджи,
 Рерих, Рахманинов, Блок.

Кручинится Сольвейг у Грига,
 Дали печалью знобя.
 Качели пиликают тихо,
 Баюкая сами себя...

* * *

В густопсовой стихии мата
 Довелось мне дышать и расти.
 Речь, конечно, не виновата
 В расплескавшейся ярости, –

В том, что низким страстям и целям
 Слово тоже должно служить,
 Оставаясь живым и целым,
 Помогая нам дальше жить.

Ну а мат в крупорушке быта,
 В круговерти нужды и беды –
 Оптимизма переизбыток
 И с похмелья – глоток воды.

* * *

Одолели проблемы,
 В основном не мои:
 У меня по ночам
 Не поют соловьи.

Вот у близких –
 Шакалы ночами скулят,
 А бывает и волки
 Спать не велят.

Канарейку мне, что ли,
 На базаре купить?
 В горемычной юдоли
 Бдительность усыпить.

Не печалиться болью
 Ни своей, ни иной,
 Словно ветер привольный
 Жить свободой хмельной.

Но и ветер – ты слышишь? –
 Так и жмётся к порогу.
 Знать, душа и у ветра
 Продрогла немного.

* * *

Мне бы годы мои молодые,
 Где я ночи спал напролёт,
 И баюкали сны золотые,
 Жизнь была как счастливый полёт.

А сегодня бессонница злая
 Среди ночи разбудит, змея,
 И пощады-покоя не зная,
 До рассвета изводит меня.

Лишь к рассвету приходит забвеньё,
 И потише поёт соловей,
 И минувшие годы как звенья
 Беспощадно-желанных цепей...

* * *

Бигельды Габдуллину

Когда тебя подстреливают влёт,
 Но ты летишь, погибели не понимая,
 А капли крови падают на лёд,
 Цветут, как маки в половодье мая...

Когда уходит жизнь, а ты среди живых
 В упругой и горячей стае,
 Но разошлись связующие швы,
 И поменялись
 жизнь и смерть местами...

И взмахами последними крыла
 Бросаешь вверх немеющее тело,
 И напрочь подытожены дела,
 И стае до тебя нет никакого дела...

Последний клик.

И замер кровотоков,
 Оцепенело с непривычки сердце...
 И вечности свирепый холодок,
 И хлопнувшая глухо дверца...

* * *

Я не заметил наступленье дня
И вдруг увидел, что уже светло,
Что можно обходиться без огня,
Что пальцы на руке свело,
И надо помассировать ладонь
Над строчками, что сотворились мной,
Где дышат рядом стужа и огонь,
Декабрь и, как ни странно,
летний зной.

Я оживил угасшее тепло
Давно минувших незабвенных лет,
И память – как волшебное табло,
Что излучает негасимый свет.

Я только что вёл разговор с людьми,
Которых я не видел так давно,
Их лица, проступавшие из тьмы,
Напоминали чёрно-белое кино.

Дыхание, любимых голоса...
И надо бы договорить, доуяснить,
Но долгих лет глухая полоса,
И жизни оборвавшаяся нить...

Растаяла последняя звезда,
А лист бумаги
стал свидетелем живым,
И сердце защемило, как всегда, –
С него снимают без наркоза швы.

УТРО

Преодолев разорванность сознания
И наведя на искренность курсор,
Найдёшь с Творцом взаимопониманье,
Согласовав молитвенный узор.

Лаская пальцами клавиатуру
И подчиняя пульсу мышь,
Скопившихся вестей аппликатуру
Привычным глазом прошерстишь.

И новостей переизбыток,
Ненужный информационный вздор

Пометишь, будто швы из белых ниток,
И удалишь с дисплея, словно сор.

И вот в незамутнённости сознания,
В мерцающей дисплея белизне
Проявятся и сущего изнанка,
И потаённое, что видишь лишь во сне.
И явится лелеемое слово,
Как первый, пробный взмах крыла,
Как первый шаг под отчим кровом,
Как жизнь, которая была.

Себя в глубинах Интернета
Я заново осознаю...
И нет обратного билета,
А я у края вечности стою.

* * *

Человек жил и дожил до старости...
Сюжет интересный,
даже фантастический!

Юрий Олеша

Истина, родившаяся в боли,
На попытках усмирить и примирить,
С ветром породниться в чистом поле,
Не теряя Ариадны нить,

Отогреть споткнувшуюся душу,
Ей добавить хоть немного сил,
И свечу прикрыть от лютой стужи,
Чтобы ветер злой не загасил...

Истина, добытая в сомненьях,
В спорах с несговорчивой судьбой,
В жёстких и непримиримых прениях,
В противостоянии с собой...

Вслушиваюсь в голоса и речи.
Что они стремятся утаить?
И насколько ложью искалечен
Тот, что молча в стороне стоит?..

И теперь вот до сердечной боли
Понимаю: я в конце пути.
Жизнь, как в потаённых минах поле,
Невредимым я сумел пройти.

ЭЛЕГИЯ

Хотел бы я утешить грусть мою,
Избавить сердце
от ненужных страхов,
В дне наступающем
почувствовать уют,
А не предошущенье краха.

В потоке дня себя не потерять,
И разглядеть свои ориентиры,
И на судьбу не злиться, не пенять –
Мы уязвимы, как мишени в тире.

Я оптимизм на помощь призову,
Хотя бы то, что от него осталось,
И получу подарок призовой –
Работ моих не созданных усталость.

День пригорюнился,
но ясной будет ночь,
И светлый месяц мне пути укажет,
И я сумею смуту превозмочь,
И, может быть,
покой на сердце ляжет.

* * *

К причалу памяти моей
Воспоминаний чёлн прибило.
Ни вёсел и ни якорей,
Ни сходней, ни кормила.

Бог весть, куда он держит курс,
Блуждая словно бы без цели.
Там впечатлений давних груз
Да жизни прожитой бестселлер.

Да плюс ассоциаций ряд,
Они, как царствие свободы,
Так много сердцу говорят,
Уводят в неземные воды.

Я суперстар, но в чёлн сажусь
Мальчишкой с жадными глазами.
На что я в жизни пригожусь?
Мне жизнь мою не рассказали.

Несёт привольная волна
Тот чёлн вне правил и порядка.
Судьба загадками полна,
И жить мне надо без оглядки...

